

КОНСТАНТИН КИЗЯВКА

**СОВ. секретно
ЭКЗ. единств.**

**ЗАПРЕТНАЯ
ЗАСТАВА**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Константин Кизявка
Запретная застава

«Автор»

2005

Кизявка К. И.

Запретная застава / К. И. Кизявка — «Автор», 2005

ISBN 978-5-532-92697-4

Семнадцатилетнего парня хватают в подъезде собственного дома и увозят за пределы страны, в боевую армейскую часть. Кто стоит за странным похищением? Как выжить на войне и вернуться назад, чтобы разобраться, что произошло на самом деле? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-92697-4

© Кизявка К. И., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
глава первая	6
глава вторая	9
глава третья	11
глава четвертая	14
глава пятая	17
глава шестая	20
глава седьмая	24
глава восьмая	27
глава девятая	30
глава десятая	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	36
глава первая	36
глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Константин Кизявка

Запретная застава

Тот, кто только думает, что всё – пустота, но не ведает о законе причинности, проваливается в вечный, чёрный как смоль, ад.

Бодхидхарма

Российским пограничникам, паладинам Всевышнего, посвящается.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Территория нафса

глава первая

Первокурсники

Двор батайского техникума – глухое место. Поросший травой асфальт, остатки белой краски-разметки для занятий НВП, высокие ржавые баскетбольные столбы, покосившийся турник, обшарпанная стена складов. И никого.

Изредка материализуются здесь смутные силуэты, окутанные облаками душистой травы, корчатся согбенные тени сторонников внебольничных вакцинаций, суетятся энергичные фигуры наскоро любящих друг друга партнёров, и, куда уж без них – дискутируют переполненные адреналином адепты традиционных русских ток-шоу, с аргументацией по почкам, лицу и прочим слабым местам спорящих организмов.

Диспут выстраивался однобоко. Одиннадцать объясняющих на одного слушателя. Лекторы организовали красивый круг, оппонент лёг на асфальт, подобрал ноги, и хлюпал окровавленным носом.

Старший из одиннадцати бил резко, точно и больно – ботинки армейские, с железными набойками. Хорошие ботинки, подарок брата, дембельнувшего из десантуры.

«Лектор» устал. Остановился отдышаться. Поинтересовался:

– Ну что, лошара? Штаны сам снимешь или помочь?

Лежащий глянул вверх на в целом доброе веснушчатое лицо палача, известного в техникуме под именем Сенёк. Ничего не сказал, уперся руками в землю, хотел встать. В бока мощно врезались пять ног. Над площадкой грянул дружный жизнеутверждающий смех.

– Может, хватит? – глухо поинтересовался воспитуемый, сплевывая сгусток крови. – Мало собак на улицах? Что людей-то?

– Ты смотри! – Главный, судя по голосу, обиделся. – Права качает! Ты, падла, нам разрешение будешь давать? Ну-ка, пацаны, держите девочку!

Четверо перевернули парня на живот, растянули за руки и за ноги. Двое привычно забарабанили ногами по почкам и печени, чтобы усмирить брыкающуюся жертву. Старший наклонился и начал стягивать с избитого мальчишки штаны, уже расстегнутые кем-то из заботливых веселых друзей.

Голос донесся со стороны. Неожиданный. Громкий. Отвлекающий от интересного занятия.

– Голубые, что ли?!

Пацаны замерли. Даже как-то растерялись сначала. Оказалось, ничего страшного. Просто во внутренний двор техникума занесло ещё троих парней с их же курса.

Сенёк выругался под нос, посмотрел на расстегнутую ширинку и недобро шагнул к гостям:

– Валите, пацаны, тут наши проблемы!

Смуглый крепкий, хорошо прикинутый парень, самый высокий среди прибывшей троицы, сделал удивлённое лицо:

– Что за проблемы? Может, поделитесь?

– Ты не понял? Я сказал – валите!

– Брат! Я сам решаю, что мне делать. Если хочешь что-то запретить – обоснуй.

Старший покраснел. Прошептал, рассыпая слюну:

- Если ты сейчас не свалишь, обезьяна черножопая, я сам тебя в асфальт закопаю.
- Ты мне? – как-то слишком спокойно поинтересовался смуглый.
- Да тебе же, урод!

Парень задумался. Потом кивнул спутнику:

- Егор, там у складов лопаты. Принеси одну.

И остался стоять на месте.

О жертве забыли. Избитый парень натянул штаны и пополз к забору. Воспитатели уставились на безмятежных наглецов. Сенёк красиво и резко сплюнул.

– Кто-то драки хочет?! Ну-ка, пацаны, подержите армяна, сначала его отпетушим, а потом с мусорским разберемся.

Девять лучших Сеньковских торпед двинулись вперёд как это не раз бывало на улицах, но, как не бывало никогда, замерли на полпути.

Смуглый держал в правой руке «Стечкина», стволом прямо в наступающих.

Старший растерялся:

- Пацаны... Да он у него того... Пластмассовый он у него...
- Пластмассовый? – не понял странный парень. – Ты про пистолет?

И бабахнул в сторону. Зазвенело разбитое в старом сарае стекло.

Пацаны попятились.

- Ты прекращай! – закричал кто-то. – Мы уходим!
- Стоять! – смуглый хотел чего-то большего. – Буду стрелять по тем, кто бежит!

Кто бы слушал. Рванули все. Только бледный и растерянный Сенёк не тронулся с места.

Захлопали выстрелы. Оборачиваясь на бегу и замечая валящихся на землю простреленных корешей, пацаны остановились. Только один, самый шустрый, успел перемахнуть через забор и потеряться.

- Всем ко мне! – скомандовал страшный парень.

Избитый студент дополз до забора в дальнем конце двора, привалился спиной к бетону и наблюдал, как смуглый строит пацанов по стершейся линии на асфальте.

- На колени! – негромко, но убедительно сказал смуглый.

Почти все бухнулись сразу. Двое с окровавленными ногами, в соплях и слезах, сначала не хотели, жалуясь на боль, но в конце концов пристроились рядом.

Из-за угла появился похожий на смерть, если принять лопату за косу, третий из загадочных гостей.

Смуглый взял инструмент, протянул бледному старшему:

- Ты хотел закопать меня в асфальт? На, копай!

Сенёк отчаянно замотал головой:

- Я пошутил! Пошутил!
- А твоя фамилия не Петросян? Нет? Так много шутишь. Бери лопату.

Сенёк, пусто глядя перед собой, взял лопату.

- Ну, – подбодрил смуглый. – Копай.

Гроза техникума, ужас батайских улиц ещё раз посмотрел на пистолет, вздохнул, и железо зазвенело об асфальт. Будто в часовне зарядил колокольный перебор. Сообщники, потев и теряя кровь, следили за Сеньком и отморозком с пистолетом. Асфальт не поддавался. Брызгали красно-голубые искры.

Осмелел один из страдалцев на коленях, рыжеволосый, необыкновенно худой:

- Брат! – обратился он к смуглому. – Пацаны кровью истекут, помрут же.
- Да? – улыбнулся тот. – Ну перевяжи. Видел, как в кино про войну?

Рыжий тяжело поднялся, встряхивая затекшие ноги, подошёл к раненым, стянул рубаху, разорвал на полосы и принялся неумело бинтовать.

Со стороны улицы завывла сирена.

– Что? – спросил смуглый у землекопа, – твои уже в мусарню стуканули?

Сенёк оглянулся на пацанов:

– Нет. Мои не могли. Может, этот, за которого вы впряглись? Он мусорской стопудово. Я вас предупреждал.

– Ладно. Ты копай. За базаром надо внимательнее наблюдать. А парня я заберу. Если тронешь, убью.

Старший что-то пробурчал в ответ, но никто не услышал. Троица, поддерживая избитого мальчишку, уходила в соседний двор через дыру в заборе. Остальные, видя такое дело, побежали кто куда. И только рыжий продолжал перевязывать раненых.

глава вторая

Гена

Смуглый рулил. Рядом насвистывал веселые песенки плечистый, в две ширины водителя, белобрысый паренёк. На заднем сиденье поддерживал пострадавшего Егор, тот, что нашёл лопату. Машина шелестела по Энгельса в сторону Северного микрорайона.

– Как зовут? – поинтересовался водитель.

– Игорь.

– И за что они тебя?

– Я их в милицию сдал.

Сидевший рядом со смуглым повернулся и посмотрел на Игоря в прищур.

– Мусорской? – спросил он странно весело.

– Не понимаю.

– Ну, стучишь в милицию...

– Они уроды.

– Гена! – сидевший сзади чуть отодвинулся от Игоря. – Может, зря мы.

– Да ладно, – усмехнулся тот, – прикольно же. А за что ты их стукнул? Обидели на перемене? Коржик забрали?

– Нет. Они двоих того... девушку и парня.

– А что, у девушки и парня бумаги нет? Сами не могли заявление написать?

– Они боятся.

– А ты, типа, смелый?

Игорь пожал плечами и сосредоточился на продуктивном магазине за окном.

– А я анекдот хороший знаю, – заявил вдруг белобрысый, – про бабушку и ёлку. Знаете? Жила одна бабушка на девятом этаже. Старая, больная. Захотела весной выбросить новогоднюю ёлочку. Задумалась. На мусорку нести тяжело. Из окна бросить... вдруг кого зашибет. Дай-ка, думает, спущу растение в мусоропровод...

– Вот мы и дома! – Гена повернулся к Игорю. – Как ты?

– Нормально.

Из калитки выскочил усатый мужичок в синем костюме охранника, распахнул ворота. Машина въехала в большой двор, закрытый от соседей высоким бетонным забором. Трудно было сразу понять, сколько этажей в красном кирпичном доме. Пирамида корпусов, переходов, навесов и даже башен останавливала счет. Явно здесь живет какой-то крутой новый русский, если так можно сказать, при очевидно армянском происхождении хозяина. У дверей гаража Гена остановил машину. Охранник с полупоклоном принял небрежно протянутый ключ.

Из дома выбежали два классических санитара с носилками. Уложили растерянно возражающего Игоря, и потащили в дом. Гена и ребята пошли рядом.

– Доктор посмотрит, – успокаивал Гена, – и всё.

Широкий коридор, залитый ярким светом дневных ламп, закончился просторной операционной, заставленной таким количеством приборов и инструментов, что самая крутая больница, виденная Игорем в американских сериалах про врачей, казалась захолустным медпунктом.

– Мы что, в больнице?

– Нет, – улыбнулся Гена. – Эта больница у нас. Жизнь сейчас неспокойная. Пока до городской доедешь, сам понимаешь. А там ещё кумовство и коррупция. Правда, Моисей Александрович?

– Да, да! – с готовностью отозвался стоявший посреди комнаты не старый, но совершенно седой человек в белом халате. – Коррупция невероятная. Феноменальная коррупция. Что тут у нас? Ага, ушибы, ссадины. Кто же это Вас так, молодой человек?

Игорь промолчал. Врач внимательно рассматривал кровоподтеки и ссадины, заглядывал в зрачки, щекотал железной палочкой живот и подмышки.

– Ну что ж. В целом, прогноз хороший. Думаю, дня два полежит, и всё придет в норму.

– Где полежит?! – не понял Игорь. – Мне домой надо! Меня родители ждут!

Врач непонимающе посмотрел на Гену.

– Крикливый. Может, успокоить?

– Не надо, Моисей Александрович. Домой так домой. Я сам отвезу. Вы только обработайте ему... это всё...

– Конечно, конечно, Геннадий Михайлович. Полчаса. Заштрихую, со стороны незаметно будет. Вы отдыхайте.

Гена потемнел:

– Спасибо, Моисей Александрович. Я как-то сам решу, чем мне заняться.

Врач засуетился, быстро отошёл к шкафчику с медицинскими примочками.

Игорю стало легче. Через полчаса будет дома. Что придумать про раны и синяки? Врать он не любил. Да и не умел.

глава третья

Какие проблемы, папа?

– Подрался? – просто спросил отец.

На полу, у стыка линолеума с плитусом, короткими перебежками пробирался к мусорному ведру паук. Игорь оторвался от зрелища:

– Упал.

– Долго падал?

– Долго.

– Ладно. Как техникум?

– Нормально.

– Проблемы?

– Нет.

– Тебе Инна звонила, просила, чтобы ты перезвонил.

– Спасибо. Я пойду?

– Куда?

– Перезвоню.

– Давай. Скоро мать придет. Надо картошки начистить.

– Начищу.

Отец поморщился, махнул рукой и пошёл в свою комнату читать очередной детектив.

Игорь пожал плечами. В жизни грязи выше крыши. Воры, насильники, убийцы, живодеры. Читайте доброе, веселое, чистое. Пусть детское. Про Незнайку или Гарантийных человечков? Прикольно же. Зачем потоки чернухи? Прилипли к телевизорам, где стреляют, режут, грабят, воруют. Были бы нормальными, никто бы такое не смотрел. Почему плохое тянет, подсаживает на себя?

Короткие гудки. Странно. Может, Инка сама звонит? Положил трубку. И точно. Звонок.

– Инна! Привет!

Не Инна. Голос мужской, жесткий:

– Игорь Тарасов?

– Да, кто это?

– Какая нахер разница! Прощайся с родственниками, сука! Завтра сдохнешь. Понял, волчара мусорской?

– Сенёк? Ты?

Гудки...

Игорь сел на стул. Вздохнул. Там, за картиной Айвазовского, за стеной, за улицей, за городом, за страной – плескался океан. Тихий, спокойный, вечный.

Сенёк, как его звали на улице, или Виктор Сеньков, как было пропечатано в паспорте, учился с Игорем в одной школе. Теперь в техникуме. В любом классе есть такой маленький фюрер. Все должны прятать глаза при виде его персоны, выполнять просьбы, отдавать деньги, угощать сигаретами. А если кто-то наивно верит в достоинство и справедливость, того особенно увлекательно ломать, прессовать, давить до тех пор, пока не заползает в ноги, залитый собственными слезами, соплями и мочой, целуя грязные ботинки сильнейшего и по-настоящему авторитетного сверхчеловека.

Даже в колонию Сенька отправляли на три года, девчонку изнасиловал. Вернулся, правда, через три месяца. Сильно изменился. Замкнулся. Потемнел. Раньше пинки одноклассникам отпускал, девочек за косы дергал, за школой один на один дрался, а тут бригаду сколотил. Начались уличные разводы лохов на деньги, квартирные кражи, стрелки, разборки.

Игорю было плевать до случая с Фёдором, месяц назад. Был такой, как казалось, друг. Влюбился этот Фёдор в девочку классом помладше. Гуляли ночью в парке, мороженое ели. А тут Сенёк со своими придурками. Сеньку девочка понравилась. «Хочу её и все!» – говорит. Фёдор в драку. Только куда против десятерых. Избили и его, и её. Затащили в кусты и там не только Сенёк, но и полбригады по девочке прошлись. А Сенёк ещё и Фёдора... для эффекта, как он любит выражаться. Нормальные люди сразу бы в милицию, а Фёдор с подружкой испугались. Сенёк сказал, что убьёт, «если в мусарню стуканут». Игорь в милицию. Капитан умный попался, сочувствующий. Спросил: «Сеньков? Как же, знаем! Вон сколько про него материала собрано. Только до суда довести не можем. Все назад заявления забирают, как сговорились. Ты бы тоже не совался в это дело, раз эти дефективные не чешутся». Не смог. Написал всё, что знал. А на суде оказалось, что сочинил, и если бы не душевная доброта Виктора Сенькова, судили бы уже его, Игоря, за наглую ложь и клевету. А потом встретились в техникуме. На дальнем дворе.

Телефон зазвонил снова. Игорь замер и только после третьего звонка поднял трубку.

– Игорь?

– Да, Инна.

– Что-то голос у тебя какой-то. Не заболел?

– Да нет, нормально всё.

– Ты ко мне зайдешь сегодня?

– Во сколько?

– Вечером, часов в девять. На дискотеку пойдём?

– А обязательно?

– Ну... можно, в принципе, и у меня посидеть.

– Хорошо. Жди.

В дверях обозначился отец:

– Ты картошку чистить думаешь? Чего смотришь? Картошку! Мать скоро придет!

Игорь молча пошёл на кухню.

Когда мать пришла с работы, на столе стояло ведро начищенной картошки.

– Николай! – позвала она мужа. – Зачем мне столько?

Появился отец с новой книгой. Увидел картошку. Пожал плечами:

– То не хочет... то целое ведро... Протестует! Побитый сегодня пришёл. Говорит, упал...

– А где он?

– К Инне, наверное, пошёл. Она ему звонила.

Фильм оказался тупым и предсказуемым. Бродили по экрану восставшие мертвецы, текли реки крови и слизи. Хотя, неважно. В объятиях Игоря сладко стонала прекраснейшая из девушек, та, которую обожал всей душой, та, ради которой бросится в любой бой, на любую смерть. Даже проблемы с Сеньком показались ерундой.

Кто-то из родителей Инны постучал в запертую дверь.

– Что такое? – крикнула Инна.

– Вы чай будете?

– Попозже, мама!

– Хорошо. Сделайте телевизор потише, такие крики жуткие. Ужасы, что ли, смотрите?

Игорь с Инной заржали в подушку.

Инна достала пульт, убавила громкость.

Игорь снова навалился с поцелуями.

Девушка тонко рассмеялась, оттолкнула влюблённого, вспорхнула с постели и накинула халатик с синими драконами.

– Какой ты голодный! Может, чайку? С булочками?

– А может...

– Хватит-хватит. Уже и так полфильма пропустили.

За столом напротив молодых цедили чай родители Инны: мама Эльвира Викторовна и папа Аркадий Петрович. Булочки были шикарные. Мягкие, пышные, с корицей.

– Я в мебельном такую стенку присмотрела! – улыбнулась мама. – Необыкновенно красивая вещь! В зале поставим, обалденно будет смотреться! Гости с ума сойдут, когда увидят.

– Остается только денег на нее заработать, – парировал папа. – Игорь, ты видел, как наша Инна рисует? Это же просто Глазунов какой-то!

– Пап, не надо, – Инна сделала сердитое лицо, – рисую я плохо. Другие в студии намного лучше. Я отстающая от всех серость.

– Серость?! – папа вскочил и убежал в соседнюю комнату. Вернулся с кипой листов ватмана. Выложил на стол перед Игорем. – Вот это она называет серостью! Посмотри! Какие цвета! Как выписаны детали! А свет, свет! Да я такого света у Левитана не видел!

– Кайф! – Игорь восхищенно перебирал рисунки. А ведь рисовал не кто-то далекий и чужой, любимая! Удивительно!

Любимая, фыркнула и убежала в комнату.

Игорь бережно собрал картины и пошёл следом.

– Ну, ты чего? Стесняешься?

Инна лежала на кровати, отвернувшись к стене.

– Я положу... на стол.

Осторожно опустил бумаги на гладкую коричневую полированную поверхность. Повернулся к девушке.

– Ну, Инн, хорош дуться. Классные же картины!

Инна резко развернулась:

– Ты просто ничего не понимаешь в живописи! Это примитивно!

– Ну, хорошо, хорошо, может, не понимаю. Но мне нравится. Имею я право на мнение?

– Серьёзно? Тебе нравится или ты, как родители, не хочешь меня обидеть? Скажи честно.

– Честно! Клянусь.

Инна села в кровати.

– Ну тогда иди сюда, ценитель прекрасного. Поймёшь, что картины – не самое удивительное, что я могу!

глава четвертая

Русская лапта

Утро украсило мир тревожными деталями. Воробьи бесились в ветках смородины как-то неискренне. Прохожие, печальные и милые, смотрели с сочувствием и пониманием. Игорь медленно шёл по самому нелепому в этой ситуации маршруту – в техникум. Что заставляет нас, чувствуя дрожь, слабость и страх, поступать вопреки здравому смыслу? Упрямство? Презрение к слабости? Боязнь себя? А может вера в Человека? Ведь приходит младенец в этот мир беспомощным и беззащитным, и не едят его, не убивают, а даже любят и заботятся. Куда потом доверие пропадает? А может, не пропадает, а прячется где-то глубоко и иногда, как сейчас, выходит наружу?

В техникумовском фойе здоровались, обнимались, хлопали друг друга по плечам. Бдительность фиксировала ситуацию завуч Мария Мироновна. Ее взгляд из-под больших круглых очков выпрямлял спины отпетых хулиганов техникума. У обшитою старой фанерой гардероба беседовал с незнакомым пестро одетым пацаном Фёдор. Заметил Игоря, сразу съёжился, отвернулся. Сеньковских ребят не видно. Может, обойдется сегодня без разборок и братоубийств...

Сам Сенёк появился на второй паре. Лекция уже началась. Юрий Михайлович рассеянно кивнул опоздавшему и опять зачертил на доске уравнения. Сенёк, обнаружив Игоря, подмигнул как-то особенно весело. Сел у входа. Игорь присмотрелся к аудитории. Гены не было. Не было и его спутников. Может, Сенёк разобрался? Теперь его, Игоря, очередь.

– Тарасов! – надо же, какой же вы наблюдательный, Юрий Михайлович. – Ты чего крутишься? Сядь нормально.

Сенёк засмеялся:

– Это он ягодицы разминает! Готовится к спортивному мероприятию.

– А вы бы, Сеньков, помолчали. Сами вон опоздали.

– А я чего! Я старушку того...

– Топором? – хмуро пошутил преподаватель.

– Не, через дорогу...

– Широкие у вас дороги... за одну пару не перейти... Ладно. На чем я там остановился. Так. Возьмем уравнение с двумя неизвестными, содержащее, по крайней мере, один из членов с неизвестным в квадрате...

В конце половины пары Сенёк подошёл к Игорю:

– Ну что, мусор, пойдём во двор, поболтаем?

– Как вчера, одиннадцать против одного?

– Да нет, ты знаешь, поменьше нас стало после вчерашнего. У некоторых, сам понимаешь, ножки болят. Некоторые пересрала. Пойдём? Просто поболтаем о том, о сём.

– Ну, пошли.

Задний двор был пуст. Ай да Сенек. Удивил. Решил по-честному. Один на один. Впрочем, удивление было недолгим. Из пролома в заборе вылезли пятеро отмороженных Сеньковских шестерок. Спортсмены, судя по бейсбольным битам в руках. Не хватало простреленных вчера и того рыжего, что их перевязывал.

Игорь кашлянул, сбивая хрипоту в горле, поинтересовался:

– Тренируетесь? Лаптисты, что ли?

– Ага! – хохотнул Сенёк. – Лаптисты-онанисты. А ты что, испугался?

– Нет! – голос Игоря предательски срывался на хрип. – Только я молчать не буду. Я не Федя.

Ребята, окружившие Игоря, заулыбались.

– Молодец! – похвалил Сенёк. – Не молчи. Хотя кто будет пи...деть в мусарне, если ты вдруг гриппом заболеешь или под поезд попадешь, к примеру... Оно же совсем непонятно, под колесами тебя поломало или битами бейсбольными... Скорее, под колесами, биты ж они для другого, ими во что-то там америкосы играют.

Обидно. Сам себя обманул. Поверил в доброе, вечное. Небо хмурилось, вот-вот сорвутся первые дождинки. Пацаны стоят плотно, биты на взмахе. Уйти не получится.

– Давай, на колени становись. Не всё ж нам мослы об асфальт тереть.

Игорь внимательно посмотрел в глаза однокурсника. Почему он так? Кто вынул из него человека?

– Чево зенки залупил? На колени, паскуда!

Сзади рубанули биты в подколенные сгибы, а когда колени Игоря упёрлись о шершавость асфальта, наступили на голени, чтоб не поднялся.

Сенёк продолжал улыбаться.

– Может, по-мирному разойдемся? Отсосешь и свободен?

Соратники благостно загоготали.

– Я же сказал, голубой!!!

Гена. В руках толстая книга. Сенёк оторопел на секунду. Потом улыбнулся. Очень хорошее настроение у него было в этот день:

– Подружки собрались. Опять с пистолетом?

– Нет, с альбомом.

– Не понял.

– А чего тут понимать! – в голосе Гены звучало презрение. – Снимки на память!

Он швырнул альбом под ноги отморозкам. Книга ударилась об асфальт, рассыпая интересные кадры. Игорь увидел на подлетевшей картонке какие-то голые тела и не сразу узнал страшного одноклассника Виктора Сенькова, ублажавшего сразу двух похабного вида мужиков.

Пацаны зароптали, подбирая и рассматривая детальные снимки. Сенёк уже не улыбался. Затравленно смотрел на своих, теперь очевидно бывших, соратников, на поднявшегося на ноги Игоря, на ненавистного Гену.

– Это мне один мусор подарил, – небрежно заметил Геннадий. – Тот, которому ты вылизывал всякие интересные места после утреннего стула. Тебя ж за это досрочно освободили?

Сенёк покраснел и в бешенстве кинулся к Гене. Но на втором шаге вдруг споткнулся обо что-то невидимое и упал, завыл так, что зазвенели складские стекла. И непонятно было, чего больше в этом вое, боли или досады.

Из разорванной штанины бил фонтан крови.

– Артерия! – спокойно пожал бровями Гена.

Сеньковские, спрятав в карманы несколько фотографий, чтобы было чем отмазаться перед остальными, с криками «У них снайперы!» рванули к дыре в заборе.

– Ну что? – поинтересовался Гена, небрежно переворачивая ногой голову Сенька. – Кто из вас мусорской?

– Падла! – бессильно простонал Сенёк. Он уже не мог подняться, слишком быстро терял кровь.

Во двор влетела скорая, заскрипели противные тормоза. Тихо вкатил и замер благородный чёрный БМВ.

– Свои! – остановил Игоря Геннадий. И показал на Сенька выскочившим из машины санитарам,:

– К врачу! Это тело нужно мне вечером. Живое. Для цирка.

Сенькова забросили в скорую.

Вчерашний широкоплечий атлет заботливо распахнул заднюю дверь БМВ, приглашая Гену садиться.

– Ты первый, – предложил Гена Игорю, пропуская в салон. Сел следом. Атлет захлопнул дверь и плюхнулся впереди, рядом с шофером. Машина мягко тронулась с места.

глава пятая

Цирк

Обедали у Гены. Лепешки, салаты, борщ, плов и напитки подносил молодой бритый наголо парень с тёмными внимательными глазами, одетый удивительно старомодно. Строгий чёрный костюм, белая рубашка, чёрная бабочка, белые перчатки.

– Как ты? – спросил Гена у Игоря, покончив с борщом. Тарелка, подхваченная бритым, улетела в сторону посудомойки.

– В смысле?

– От вчерашнего отошёл?

– Нормально. Не очень у них получилось. Губу разве что разбили. А так – чепуха.

– Шелупонь. Крысы помойные. Забудь, – Гена подтянул пиалу с пряно пахнущим пловом.

– Да я и забыл.

– Сегодня повеселимся. Возьми, на всякий случай.

Игорь осторожно принял странный, похожий на большое шило кинжал. На маленькой округлой гарде сверкали красным и зелёным драгоценные камни.

– Зачем это? – не понял Игорь.

– Мизерикорд. Клинок милосердия. Подарок от меня. Старинный, французский. Вот ножны. Лезвие не острое, не порежешься. Но кончик очень опасный, человека насквозь прокалывает. И ремень, чтобы удобнее носить под одеждой.

– Мы что, опять разбираться с кем-то будем?

– А мы что, с кем-то разбирались?

Игорь не уловил смысла фразы и промолчал, застегивая ремень и вставляя кинжал в ножны. Удобно. Не мешает и не видно со стороны. Разбираться так разбираться. В честном бою, за друга, спасшего тебе жизнь, можно и ножиком.

Дальше ели молча.

– Еще? – спросил Гена.

– Нет. Спасибо. Я уже всё. Больше не могу.

– Ну ладно, – Гена улыбнулся. – Пойдём в КС зарубимся на пару часиков перед представлением.

Они поднимались по широкой лестнице, мимо стен, увешанных портретами Гениных родственников, на второй этаж. Там висели два портрета очень похожих людей.

– Это папа, – пояснил Гена. – А это дядя Арам, его родной брат.

Над портретами – красивый символ. На чёрном бархатном фоне – золотой квадрат, а в нем знак, похожий на математическую сумму.

Вошли в большую, затененную плотными зелёными шторами комнату. На десяти солидных дубовых столах – десять компьютеров. – Как в самом крутом игровом салоне! – восхитился Игорь.

– Точно. Только железо подороже раз в десять. Мониторы, видишь, какие громадные. Там и видюха дай боже, последний Жефорс двойка шестьдесят четыре метра.

– Круто! А я видел в салоне на вокзале – мониторы плоские.

– Отстой. Уважающий себя страйкер за плоский не сядет. Разве что, если захочет зрение посадить. Или проиграть на тормозах между движением рук и отражением на экране. Нет, Игорь, КС это кайф! Самая новая версия, кстати, КС «бэта три и один». Радиосвязь теперь в игре есть. Мы по субботам с друзьями тут отдыхаем. Хочешь, заходи.

– Ладно, если можно. Только я не умею в Контрстрайк. Я больше в эрпэгэшки, типа фаллаут или майт энд мейджик...

– Контр – это легко! Вот смотри W – вперёд, S – назад, A – влево, D – вправо. Мышкой поворачиваешься, прыгаешь и стреляешь. Просто же.

– Ну, давай попробуем.

Нельзя сказать, чтобы Игорю было просто. Пока соображал, что перед лицом не пол, а потолок, пока находил теряющуюся из-под пальцев кнопку «вперёд», бой заканчивался. Повезло, что Гена воевал за его же команду и почти всегда успевал расстрелять всех вражеских ботов. Через час дело слегка наладилось, и Игорь умудрился завалить трех противников. Играть стало интереснее, и Игорь даже вздрогнул, когда Гена тронул его за плечо:

– Ну что, террорист, пойдём веселиться.

Во дворе толпилась нарядно одетая компания. Шутили, смеялись, строили глазки.

Шестеро парней и три девушки. Сверстники Гены и Игоря. Трое парней были явно кавказцы. Остальные, включая Егора, славянской внешности. Девушки все как одна платиновые блондинки. В одежде Игорь разбирался слабо, но качество и фирменность всего, надетого на этих ребят, не вызывали сомнений даже у него.

Кроме БМВ, во дворе шесть машин. Показались даже круче, чем у Гены.

Гена сел за руль, кивнул Игорю – садись рядом. Остальные разобрались по тачкам и завели моторы.

Через город колонна полетела на юг. Прохожие провожали взглядами караван дорогих иномарок. Девушки восторженно улыбаются и махали руками. Парни рассматривали технику, восклицали и цокали. Пенсионеры плевались. Игорь покраснел. Неплохо, конечно, когда тебе улыбаются девчонки, но как-то неуютно оказаться в одной лодке с мажорами, которых не особо уважаешь. Посмотрел на Гену. Успокоился. Уж Гену-то вряд ли кто назовет папенькиным сыном. Сам разруливает трудные ситуации. Не звонит по телефону: «Папочка, срочно приезжай!».

Проехали РДВС. На заборе у выезда из города длинный транспарант: «Батайчане, сделаем наш город в 2000-м году лучшим!» Игорь улыбнулся.

Пронеслись через посадки, проехали остановку автобуса возле кладбища. Люди с сумками и цветами. Машины вдоль оградок.

Проехали кладбище, перемахнули через холм, спустились вниз и выстроились широким кругом на просторной зелёной поляне у крутой железнодорожной насыпи. То, как стали машины, вытасило из памяти сразу два каким-то образом связанных слова: «цирк» и «круг». Ребята высыпали из легковушек, разминаясь и потягиваясь.

– Ты готов? – поинтересовался Гена.

– К чему? – спросил Игорь.

– К представлению.

– А что за представление?

– Да вот. Слышишь?

Где-то рядом включилась сирена, и на поляну между джипами, сверкая фиолетовой мигалкой, выехала та самая скорая помощь. Задняя дверь распахнулась. Сначала выбралась парочка крупных бритоголовых мужчин в пиджаках. Затем ещё двое таких же бойцов вытолкали ожившего, хромающего Сенька. Руки последнего были сцеплены сзади наручниками. Школьного хулигана вывели в центр. Один из бритоголовых наклонился к уху растерянного парня и что-то прошептал на ухо, покачивая пистолетом. Сенёк согласно кивнул. С него сняли наручники.

– Господа! – Гена вышел в центр круга. – Заседание клуба на свежем воздухе считаю открытым!

Зрители радостно захлопали в ладоши.

– Разрешите познакомить вас с милым другом нашей семьи! – он показал на Игоря, жестом приглашая его подойти. Игорь подошёл, не упуская из виду сжавшегося Сенькова. – Игорь Тарасов! Мужественный, отважный человек. Сейчас на ваших глазах он разберется вот с этим любителем голубых развлечений. Правил боя нет. Главное, не выходить за машины. Если побеждает Игорь, дырявый попадает под поезд, и это, заметьте, не моя, а его, Виктора Сенькова, гениальная идея. Про поезд, конечно. Биться один на один в его трусливую голову никогда не приходило. Честь и Виктор Сеньков – понятия, увы, несовместимые. Если меньше десяти против одного, уже боязно. Но вернемся к условиям боя. Мы ведь, в отличие от этого насекомого, знаем, что такое честь. Если побеждает голубой, мы его отпускаем. Пусть идет куда хочет. Тебе понятно, червь?

Сенёк кивнул.

– А ты, Игорь, готов?

Игорь растерянно смотрел в лица новых знакомых. Они что, действительно могут бросить живого человека под поезд? Да, Сенёк подонок, но всё же человек...

– Игорь, ты что, спишь?

– Я? – Игорь очнулся. – Я не буду с ним драться.

– Что? – Гена удивился и похоже, даже огорчился. – Тебе жаль вот это? Оно же твоих знакомых насилвало. Оно тебя убить хотело. Оно на меня кидалось... Ты что думаешь, его можно погладить по головке и сделать добрым как котёнок?

– Я не буду.

– Ты же мужчина. Если ты пощадишь эту грязь, она отнимет у тебя всё. Убей его!

– Не могу!

– Хорошо. Ну-ка, ты, голубь. Бей его.

Два раза Сеньку повторять не пришлось. Сходу бросился из тех сил, что оставались. Первый же удар ногой в пах должен был согнуть Игоря пополам, но Игорь прикрылся бедром. Кулак Сенька скользнул по больной губе. Неприятно...

– Стоять! – Гена взвинулся. Сенёк послушался, замер. – Ну, Игорек? А теперь? Или пусть бьет? Сначала тебя, потом твоих родителей, потом твою девушку?

Игорь молча уставился в землю. Гена подождал несколько секунд. Махнул рукой. Ребята у машин разочарованно загудели.

– Игорь! – голос Гены стал вдруг спокойным и неторопливым. – Ты не дал ему шанса.

Грохнул Стечкин. Откуда он у Гены в руке? Голова Сенька откинулась назад, он шатнулся и упал вперёд, прямо на перепуганного Игоря. Тарасов в ужасе отступил, и сползающее по нему тело оставило на одежде тёмный кровавый след. В затылке бывшего одноклассника дымилась дыра. Зрители хлопали в ладоши. Цирк состоялся.

Бритые ребята подхватили безжизненное тело и потащили на насыпь.

– Здесь поворот, – пояснил Гена. – Машинист никак затормозить не успеет. Умный был у тебя одноклассник, Игорь, интересно свою смерть спланировал.

Игорь взглянул на амбалов, тянущих труп вверх, на кусочки мозга, качающиеся на стебельках травы, на окровавленную футболку и брюки. Неприятная сила согнула его пополам и предъявила лужу дурно пахнущих частей сегодняшнего обеда. Его вырвало ещё раз.

– Да, – задумчиво заметил Гена. – Только сауна вернет нас к радостной и счастливой жизни.

Народ поддержал мысль веселыми криками и засуетился, рассаживаясь по машинам.

глава шестая

Солнце, воздух и вода

Игорь не любил бани и всяческие сауны. Экстремальный перегрев организма с последующими ледяными ваннами пугал его запредельной бессмысленностью. Грязь можно смыть и в обычном душе. Приятно, быстро и без глупого экстрима.

Впрочем, в этот раз выбирать не приходилось. Парилку раскопегарили – мама не горюй. Даже суровые Гена и Егор постанывали от жары. Остальные не выдерживали и половины дозы. Выскакивали во всех смыслах как ошпаренные, и с дикими криками бухались в холодный бассейн. Игорь, расстроенный событиями на поляне, решил наказать себя адской температурой и потел столько же, сколько Гена.

Это был третий заход. Ребята уже нырнули в бассейн и наверняка наслаждались холодным «Очаковским» пивом. Грелись только Гена, Егор и Игорь.

– Хорошо сегодня! – простонал Егор.

– Да, – согласился Гена. – А ты, Игорь, красавчик. Наверное, любишь баньку?

Игорь неопределённо пожал плечами.

– Не так чтобы...

– А не скажешь по тебе. Вон Егорчик уже спекся. Да, Егор?

– Точно, – просипел Егор, поднимаясь с лавки. – Я пошёл. Счастливо вам, пацаны.

Дверь закрылась, и сауну встряхнул дикий первобытный крик, завершившийся мощным гулким всплеском.

В глазах у Игоря темнело. Воздух парилки стал вязким и совершенно непригодным для дыхания. Но Гена сидел рядом и Игорь, несмотря на страшное желание выскочить наружу, остался на месте.

– Ну что? – голос Гены пробивался через нелепую вату в ушах. – Ложись, я тебя веничком.

Всё ясно, решил Игорь. Хочет избавиться. Ну, правильно. Зачем ему такие слабаки, как я. А тут удобный несчастный случай. Смерть в сауне от остановки сердца. Игорь почувствовал, что сердце действительно начинает пробуксовывать. Закусил нижнюю губу, напряг веки, чтобы хоть слегка разогнать усиливающуюся темноту, покорно лёг на лавку и после двух мощных шлепков веником благополучно расстался с сознанием.

В следующее мгновение ощутил странную для сауны прохладу и понял, что лежит на полу у бассейна, а ребята столпились вокруг и наблюдают.

– Очнулся, пионер-герой! – Гена поставил на пол пустое ведро. – Слава Богу. Встать сможешь?

– Наверное... – Игорь сел. – А вы чего не паритесь?

Ребята сначала переглянулись, потом заулыбались.

– Ну ты монстр! – заявил Егор, помогая Игорю подняться. – Пошли пивка хряпнешь, для полного выздоровления.

Расселись за длинным столом, Егор разлил пиво по бокалам. Игорь огляделся. Хорошая комната. Стены деревянные, под бревна. Самоварчик, стаканы. Даже телевизор работает, без звука, правда, чтоб не мешать общению. Картины на стенах симпатичные, про природу.

Поднялся с бокалом Гена:

– Предлагаю выпить за Игоря. Парень крепкий. Дух отличный. А людей от крыс отличать мы его научим.

– Научим! Конечно! – загудели ребята.

– Людей, – продолжил Гена, – уважать можно. Дело с ними можно иметь. А крыс жалеть нельзя. Ты ей кусок сыра, а она тебе в горло вцепится. Мало того, что сама на людей кидается,

она и других заражает крысиной сущностью. Другие тоже перестают ценить дружбу, честь, искренность. Что же остается делать? Травить. Везде, где можно и где нельзя. Уничтожать. Другого выхода нет. Для этого мы, люди, и появились на свет. И я предлагаю выпить за нашего нового друга и человека Игоря!

Все поднялись, зазвенели, расплескивая пиво, бокалы. Непьющий Игорь с благодарностью посмотрел на Гену и залпом хлебнул противную, горькую, но холодную жидкость.

К концу банного процесса ноги и руки плохо слушались. Пива было выпито столько, что даже закалённые ребята пошатывались и не могли выговорить половину слов.

Родители были в шоке, когда их сына ввели в квартиру двое спортивного вида парней в чёрных рубашках.

– Берегите его! – неловко пригрозил пальцем один из них. – Это человек! Настоящий человек!

И опустив парня на диван в зале, ушли. Мама выглянула в окно, увидела, как они садятся в огромную иномарку.

– Кто это такие? – спросила Игоря и услышала в ответ посапывание. Игорь крепко спал, измотанный страшным днём.

– Смотри, – заметил папа. – Он ещё улыбается.

– Горе наше. Алкоголик. А знаешь, давно я не видела его таким счастливым.

– Ничего, проснется, я устрою ему счастливый денёк.

Устроить не получилось. Игорь спал долго. Имел в воскресенье полное право. Родителям нужно было на базар. Так экономили. Раз в месяц, после папиной зарплаты, выбирались на центральный городской рынок и запасались на месяц вперёд всякой съедобной мелочевкой. Так выходило дешевле. С провинциальной зарплатой это единственный способ как-то протянуть, заплатить квартплату и особо не голодать. Вопрос об одежде и развлечениях не стоял. Таковую роскошь в российской глубинке начала двадцать первого века позволяли себе немногие. И уж точно не воспитатель детского сада, которым была мама, и не учитель истории в средней школе – папа.

Игорь очнулся с давящей головной болью. Сквозь туман вспомнил, что сегодня, ровно в 11.00, Гена, Егор и Карен будут ждать на пляже Солёного озера с девчонками. На часах уже десять. Игорь бросился в ванную, встал под ледяную струю, а когда сознание чуть прояснилось, быстро оделся и рванул в соседний дом к Инне.

– Ты чего так рано? – Инна смотрела сонно, прижимая ворот дракончатого халатика к красивым губам. – Сегодня же воскресенье.

– Любимая! Нас ждут солнце, воздух и вода! Ты что, не хочешь на пляж?

На пляж Инна хотела, даже очень, судя по тому, как быстро оделась.

– Фантастика! – искренне восхитился Игорь. – А я и не знал, что ты такая молниеносная!

– Ты многого обо мне не знаешь! – Инна весело чмокнула приятеля в щеку и заперла дверь. – Поехали?

– Поехали.

Автобусы в Батайске подводят всегда. Игорь расстроился, они опаздывали на пятнадцать минут. В сентябре на пляже людей намного меньше, чем в июле, поэтому найти своих оказалось несложно. Ребята загорали на огромной синей подстилке и пребывали в отличном настроении. Девушки, не такие симпатичные, конечно, как Инна, но с великолепными фигурками, напоминали модели с обложек модных журналов. Гена, увидев Игоря, вскочил и бросился навстречу:

– Дружище! Как ты после вчерашнего?!

– Нормально! Вот, знакомьтесь: Инна. Инна, это Гена.

– О, как приятно! – Гена взял Инну за руку и коснулся её ладони губами. – Вы восхитительны!

– Спасибо! – Инна покраснела и посмотрела на Игоря.

Игорь улыбнулся, подошёл к остальным:

– Привет!

Парни пожали руки. Девчонки сели, с веселым любопытством разглядывая прибывших.

– Это Егор и его Марина, – Гена продолжил знакомство. – Это Карен и Света. А это моя обворожительная Асмик.

Игорь задержал взгляд на миниатюрной изящной армяночке, его глаза встретились с тёмными, ласковыми, и в то же время холодными глазами Асмик. Она улыбнулась, но дистанция ничуть не уменьшилась. Не сказав ни слова, девушка дала понять, что ни на дружбу, ни на симпатию с её стороны в этом мире рассчитывать не может никто. Впрочем, Игорь и не хотел. У него уже есть единственная, прекраснейшая из всех. И она нежно держала его за руку.

– Ложитесь загорать! – предложил Егор. – Места на всех хватит. Вон раздевалка рядом.

Он показал на зелёного цвета металлическую несурезицу на длинных ножках, скрывающую туловище и бедра переодевающихся в ней людей, при этом оставляя их колени и лодыжки открытыми взглядам и фантазиям наблюдателей.

День удался. Солнышко припекало. Вода ласковой прохладой избавляла тело от пота и песка. Карен с поразительной неутомимостью шпарил анекдот за анекдотом. Егор подносил живительное мороженое и соки. На Инну было приятно смотреть. Игорь радовался, как хорошо она вошла в компанию. Думал, будут, как это бывает, непонятки, несовпадения, но нет. Девчонки регулярно заплывали втроём подальше от берега и о чем-то болтали. Только звонкий смех Марины долетал до берега.

Когда солнце опустилось к горизонту, Гена отозвал Игоря в сторону.

– С нами в ресторан едете?

– Да, это... – замялся Игорь.

– Что? Деньги? Не вопрос. Я угощаю.

Игорь не знал, что сказать. Неудобно отказать другу. Но садиться на шею ещё хуже.

Гена понял.

– Ты не думай, что в тягость. Веришь, Бог создал мир таким. Сегодня деньги у меня. Я угощаю. Завтра будут у тебя. Ты угостишь. Это закон дружбы. Не нужно напрягаться.

– Неудобно как-то.

– Обидеть хочешь? Я что тебе, чужой?

– Нет, но...

– Не надо «но». В дружбе не должно быть никаких «но».

– Хорошо.

– Молодец! Дай пожму твою мужскую руку.

Игорю стало легче. По жизни не было настоящих друзей. Думал, Фёдор, но не срослось. И то, что говорил Гена, было правильно и понятно. Инна наверняка будет рада. Он ведь её ни разу в ресторан не водил. Страшен сам ресторан. Как там себя вести, что говорить...

Оказалось, ничего страшного. Обычное кафе, только посуды всякой больше: вилок, ложек, фужеров, и еду разносят официанты. Того, который подносил им блюда, Гена знал по имени:

– Валера, тот винчик ещё остался, что девочкам понравился?

– Конечно, Геннадий Михайлович. Сейчас будет.

– Как здесь сегодня тихо, – заметила Света.

– Наверняка музыкантов расстреляли, – хохотнула Марина. – Это было ужасно. Такая муть...

– Кстати, – вспомнил Карен. – Анекдот по теме. Жена спрашивает мужа: «Дорогой! Тебе понравилась вчерашняя опера»? – «Не очень». – «Странно, мне казалось, пели великолепно». – «Ах вот почему я заснуть не мог, а я думал, кресло жесткое».

– Карен, – Гена не улыбался, – ты же вчера в сауне это рассказывал.

– Да ладно, девчонки же не слышали. А вот ещё. «Алло, это пожарная?» – «Да» – «Тогда пожарьте мне картошки!» – «Мы не жарим, мы только тушим!» – «Ну, тогда потушите!»

– Вот! – нарисовался Валера с закупоренной бутылочкой мудрёного иностранного вина.

– Оно! – одобрил Гена. – Открывай.

Валера ловко вытащил пробку и плеснул красной тягучей жидкости в стакан.

Гена попробовал, кивнул и Валера разлил остальным.

– Это что за мясо? – шепотом спросила у Игоря Инна.

– Не знаю, утка, может. Похоже.

Менялись блюда, исчезали и появлялись столовые приборы, звучали анекдоты Карена. Игорь любовался расцветшей вдруг Инной, потягивал вино и вдруг понял, что для Гены это не праздник, а банальные будни. Причем будни, в которых, кроме саун и ресторанов, ничего и не остается. Ни футбола во дворе с пацанами, ни книг, ни путешествий с рюкзаком за плечами, ни простого общения с нормальными ребятами, ни чего-то важного, но совершенно сейчас неуловимого... От таких мыслей, подкреплённых алкоголем, Игорю стало невыносимо печально. Бедный Гена. Как же он живет в этом банальном круговороте? Как выдерживает дарованную судьбой сладкую, но невыносимую ношу?

Сам Гена не казался обиженным судьбой. Улыбался и наливал девушкам вино, острил, искренне смеялся, откровенно наслаждался. «Ну, слава Богу», – подумалось Игорю, – «если его это не тяготит, то и мне прекрасно». Окончательно рассеяла облако грусти Инна. Она так беззаботно рассмеялась над очередной шуткой Карена, что Игорь совсем расслабился и больше не мучился надуманными опасениями.

У дверей своей квартиры Инна нежно обняла Игоря и сладко прильнула к его губам.

– Спасибо, малыш! – шепнула она разомлевшему парню. – Это был самый лучший день в моей жизни!

глава седьмая

Большие надежды

Утро началось пронзительным звонком в дверь.

– Кого это в такую рань! – услышал Игорь возмущённый голос отца.

На часах шесть. На работу и в техникум рано не то что идти, даже вставать. В глубине шевельнулось беспокойство. Мало ли, что.. Кровавая сцена у железной дороги выплыла наружу. Неужели милиция...

– Игорь! – позвал отец. – К тебе!

Игорь услышал, как гулко бьётся сердце. Непослушными, деревенеющими руками натянул джинсы и осторожно вышел в коридор. Какая-то незнакомая с красными заплаканными глазами тощая женщина в замызганном светло-коричневом плаще вымученно улыбнулась навстречу:

– Игорь?

– Да, а что случилось?

– Ребята говорят, тебя последнего с Витей видели, вы с ним из техникума уходили...

О ком она? Какой-то Витя? Сердце, кажется, остановилось. Стало трудно дышать. Сенёк! Это же его Витей зовут! Наверняка мать. Ищет по моргам, по больницам, по знакомым. Кто же сказал? Кто выдал? Хотя странный вопрос «кто». Полтехникума видели, как они шли на разборку. Что же сказать, что придумать, когда тело перестает тебя слушаться?

– Ты не знаешь, где он? – с тяжелой надеждой спросила женщина.

– Какой Витя? – подобрался Игорь.

– Сеньков. Одноклассник твой. Вы же друзья?

Игорь вспомнил. В зале суда. Когда процесс по делу насильников превратился в издевательство над жертвами. Она была не такой. Совсем другой. Презрительной, надменно улыбающейся. Вот почему не узнал теперь. Кричала: «Как ты можешь, выронок, клеветать на моего сына!»

Неожиданно холодное спокойствие захлестнуло Игоря. Он твёрдо посмотрел женщине прямо в глаза. Друг? Наверняка эта женщина думала, что Игорь напарник Сенька по крысиному бизнесу. Она была матерью и страдала. Она будет страдать больше, когда узнает правду, точнее, ту часть правды, которая ей откроется. Но ни её запоздавшие на несколько лет слезы, ни наказание не заставят Игоря признать Сенька другом.

– Мы не друзья, – Игорь поразился, с каким ледяным безразличием и спокойствием это сказал. – Я видел его в субботу, мы выходили из техникума вместе. Но куда он пошёл, не знаю.

– Простите! – заплакала вдруг женщина, и Игорь ощутил сильный перегар. – Ради Бога, простите. Даже не знаю куда идти, что делать...

– До свидания, – Игорь закрыл дверь и почувствовал неведомое ему до того удовлетворение. Всё кипело внутри. Злость пополам с ненавистью струились по артериям и венам, и стало удивительно хорошо. Он смог сделать то, на что не был способен. Сумел перешагнуть через страх, жалость, сострадание. Пусть эти твари десять раз подумают, прежде чем насиловать беззащитных влюблённых детей.

– Да это ж тетка из суда! – вспомнил отец. – Еще за тех отморозков заступалась. Вот цирк! Нашла к кому прийти! Спать не дает, зараза. Игорь, ты что, связался с этими бандитами?

– Нет, папа. Ты же знаешь.

– Слава Богу! Уж с кем с кем, а с этими я бы не советовал связываться.

– Никогда. Обещаю тебе. Пойдём спать.

Заснуть, естественно, не получилось. Эйфория прошла, появилось беспокойство за новых друзей.

В техникуме Игорь нашёл Гену и рассказал об утреннем столкновении.

– Забудь, – успокоил Гена. – Всё нормально. Нужные люди подсуетились. Ну, попал наркоман под поезд. Это у торчков сплошь и рядом бывает. Ты всё правильно сказал. Лучше подумаем, чем вечером заняться. Может, на левый берег Дона махнём? Там такой ресторанчик открылся прикольный. Корейская кухня. Любишь корейскую кухню?

– Люблю. Прикольно. Только я вечером с Инной договорился встретиться.

– А ты её с собой бери. Девчонка хорошая. Я таких красивых ни разу не видел. Где откопал?

– Соседка.

– А ещё таких соседок у тебя нет?

– Гена! У тебя же Асмик! Отличная девочка, можно позавидовать.

– Так за чем же дело стало? Давай махнемся... Игорь! Ты чего? Обиделся? Это же шутка.

Последнее дело из-за баб расстраиваться. Я не знал, что ты так философски к этому относишься. У тебя что, серьёзно?

– Просто мы с Инной решили сказать родителям, что хотим пожениться.

– Да, угораздило тебя. Сказал бы, что дурное дело не хитрое, так обидишься. Романтик.

Ладно, валяй к невесте. Завтра в технаре встретимся, пообщаемся. Дело есть. Поможешь?

– Какой разговор, Гена! Тебе в любое время дня и ночи!

– Вот и славно. Пошли в класс. К семинару подготовился?

– Где? В сауне? Или в ресторане?

Засмеялись и отправились постигать глубочайшие тайны технологии машиностроения.

Инна пришла ровно в восемь. Не в обычном спортивном костюме, удобном, чтобы дойти до соседа, побыстрее скинуть с себя лишнее и упасть в его объятия. А в торжественном чёрном бархатном платье. Что-то случилось в лесах Батайска!

– Привет! – улынулась Инна и чмокнула Игоря в щеку. – Твои дома?

– Дома. Как раз ужинать садятся. Заходи.

Они прошли в зал, где мама разливала по тарелкам гороховый суп.

– Привет! – обрадовался отец. – Как дела? Как мамка с папкой?

– Всё хорошо. Мама варенье крутит. Отец телевизор смотрит.

– Нелегкая мужская доля! – шутливо вздохнула мама. – На диване с утра до вечера.

Расселись за столом.

– Игорь говорил, сегодня какой-то торжественный случай, – вспомнил папа, разливая «Кагор». – День рождения? Или день взятия Бастилии парижскими коммунарами?

– Не совсем, – поднялся Игорь, – мы с Инной хотели сказать... объявить... Что собираемся пожениться.

– Ну, это и слепому понятно, – заметила мама. – А когда?

– В следующем месяце.

Родители переглянулись, и по выражению лиц нетрудно было догадаться, что новость их не обрадовала.

– А чего так спешить? – начал папа.

– Мы любим друг друга! – отрезал Игорь. – И нам не надо свадеб и всяких расходов. Можем жить на квартире, чтоб никому не мешать.

– На квартире? – хмыкнул папа. – Эх, молодежь, молодежь. Чем же платить за ту квартиру. Вы не думайте, что денег жалко. Живите у нас. Только молодые вы слишком. По семнадцать лет. А тебе, дуралею, ещё в армию идти. Два года Инке ждать.

– Мы всё обдумали, – не сдавался Игорь. – Всё равно после армии пожениться бы. Так какая разница, сейчас или потом?

– Видишь, любимая, – взгрустнул отец. – Отцы и дети. Не будь мы с тобой педагогами, уже бы, наверное, дом вверх дном стоял.

- Да, – задумчиво согласилась мать. – А может, выпорем их и дело с концом?!
- Две секунды все переваривали сказанное, а потом заулыбались.
- А твои знают? – спросил папа у Инны.
- Ещё нет.
- Ну мы же с вами завтра к ним свататься пойдём, – развёл руками Игорь.
- Стратеги! – усмехнулся отец. – Готовься, мать. Не успеешь оглянуться – бабушка.
- А куда денешься, любимый. Чувства!

Игорь с нежностью посмотрел на Инну. Та славно наморщила носик. Шепнула: «Всё будет хорошо».

И действительно, было очень хорошо. Дверь в спальню Игорь не запирает. Родители не заглядывали. Педагоги. Интеллигенты. По полу валялись подушки, одеяла, одежда. Только через два часа непрерывных физических упражнений молодые успокоились, раскинулись на кровати.

- Классно! – прошептал Игорь.
- И мне классно. Ты такой хороший.
- А ты! Вообще!
- Завтра чем займёмся?
- Ну, к твоим пойдём.
- А днём?
- Днём у меня дела с Геной.
- Гена прикольный. Шутит так. И Карен ничего. Где ты таких друзей нашёл?
- Это не я. Это они меня нашли.
- Везёт тебе. С такими друзьями можно жить без проблем. Видел, какие у них машины?

Мы с тобой купим машину?

- Конечно, купим. Значит, понравились тебе пацаны?
- Ага. Не то что Федя, унылое создание.
- Согласен! Может, ещё?

Инна сделала удивлённое лицо, но не выдержала и засмеялась. И они снова совпали друг с другом на ближайшие полчаса.

глава восьмая

Катехизис

Просьба была простая. Съездить с Егором, пообщаться с одним человеком по долгам. Гена поехать с ребятами не мог. Срочные дела с папой. Игорь обрадовался. Можно помочь другу. Не всё ж Гене о нём заботиться.

Когда летели на джипе через город, вспомнил Робин Гуда, благородного, в душе (ударение на «е»), разбойника. Тоже вступался за бедных и обиженных и жёстко мстил за горе и унижения.

Остановились у длинного одноэтажного здания. Сталинских времен громадный вход украшали две белые колонны с треугольным фронтоном наверху. Под фронтоном на белом полотнище красивыми красными буквами было выведено:

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ. ЮЖНОРОССИЙСКИЙ ФИЛИАЛ.

– Секта, – пояснил Егор. – Собираются, молятся. Не бойся. Они мирные. В жертву приносить не будут.

Игорь слышал, что есть какие-то секты, где творятся страшные дела. По телевизору часто рассказывали тихим, зловещим голосом. Обычно вечером, перед сном, чтоб лучше на мозг легло. Игорь был далек от религии. В церковь заходил раз в жизни, на крестины племянницы. Родители атеисты, вопреки моде на православие. Короче говоря, совершенно ничего не понимал в этих делах.

Оттого удивление было искренним и сильным:

– А чего не прикроют?! Раз секта?

– Ты прикальваешься? У нас же свобода совести!

– То совесть, а то секта. Ты телик вообще не смотришь? Они же зомбируют, с крыш заставляют прыгать, деньги последние отнимают.

Егор понял тяжесть случая, вздохнул и вошёл внутрь. За маленьким вестибюлем с комнаткой кассира оказался большой зал с рядами кресел, как в кинотеатре. Почти все заполнены людьми, в основном, пенсионного возраста. В дальнем от входа конце зала за трибуной выступал средних лет лектор в огромных очках.

– Постоим здесь, – шепнул Егор. – Я его вижу. Минут через пять закончится, выцепим, поболтаем.

– Хорошо! – согласился Игорь и прислушался к речи лектора.

– Все мы знаем, – выразительно развивал тему мужичок, – что осталось немного. Так зачем же, братья и сёстры, рожать несмышлёных младенцев, которые так и не успеют вырасти и проникнуться истиной. Неужели мы способны обречь своих любимых чад на адские муки? Кто из вас, зная, что дом будут завтра сносить, затеет в нем ремонт? Разве что неразумный, потерявший всякое здравомыслие человек. Так не будем же уподобляться ему. Иисус сказал: «что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». Почему мы забываем слова Его? Или наши земные телевизионные идолы дороже Христа? Они растляют нас сладкими речами о свободе секса. А Иисус заявляет: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя». Что-то я не вижу вырванных глаз. Как мы не понимаем, насколько страшен грех секса! Братья и сестры! Закройте глаза и уши! Отвратитесь от постыдного телевидения. Бегите от всякой мысли о сексе и разврате. Займитесь делом и молитвой, и Господь примет ваши очищенные души в Царство Небесное. Аминь.

– Это что? – удивился Игорь, пряча голос в дружных аплодисментах прихожан. – Реально Иисус Христос говорил?

– Да ты что! – возмутился Егор. – Это ж секта. Сами придумают, потом боятся. Смотри, вон тип в желтом пиджаке в нашу сторону пробирается.

Игорь всмотрелся. Лет девятнадцать-двадцать. Высокий, полноватый, со скромным выражением лица. Мужчина подошёл совсем близко. Егор наклонился и тихонько тронул желтый рукав пиджака:

– Ваня! Привет от Геннадия Михайловича. Давай на воздух выйдем, побеседуем.

Парень сразу поник и осунулся. Безвольно поплелся за Егором. Игорь пристроился следом.

В маленьком скверике в двадцати шагах от здания остановились и со стороны, наверное, казались милыми сектантами, говорящими о святом.

– Ты сколько должен? – спокойно поинтересовался Егор.

– Пятьсот, – грустно отозвался Ваня.

– Штук, баксов?

– Нет, рублей.

– Когда должен был отдать?

– Неделю назад.

– А что ж не отдал?

– Не нашёл.

– А зачем обещал отдать?

– Деньги нужны были. Маме операцию делали.

– Хорошее дело. Только зачем же Геннадия Михайловича обманывать? Он к тебе со всей душой. Денег дал. Поинтересовался, когда отдашь? Не мог срок побольше попросить?

– Я не подумал.

– А может ты того, – вклинился Игорь. – Рассчитывал, что миру конец придет на прошлой неделе?

Парень посмотрел удивлённо, испуганно. Ничего не сказал.

– Чего молчишь? – возмутился Игорь. – Свалить хотел в Армагеддон?

– Ребята, – по щекам полненького заструились настоящие слезы. – Не убивайте, мне маму лечить надо.

– Ладно. Давай ещё раз, – терпеливо сказал Егор. – У тебя горе?

– Да, мама... в больнице...

– Ты решил, что Геннадий Михайлович тебе поможет.

– Да, решил...

– Пришёл и попросил денег.

– Попросил...

– Сказал, что ровно через месяц отдашь?

– Сказал.

– День назвал.

– Назвал.

– Ну, хоть не отпираешься. Только я понять не могу, зачем обманывать Геннадия Михайловича? Что, не мог денег попросить насовсем или день попозже назначить? Ты не больной на голову, случайно?

Игорь почувствовал, как подрагивают руки. С одной стороны, жаль паренька. Набожный, маму любит. С другой, зачем вешать лапшу? Гена что, клоун какой-то? Как можно кидать того, кто выручает тебя в трудную минуту?

– Придется ехать к Гене, – невесело заключил Егор.

Верующего прорвало. Бухнулся на землю, рыдая и размазывая грязь по лицу. Пришлось подхватить под руки и волоком тащить в машину. Коллеги по секте хмурились, наблюдая за этой сценой, и о чем-то возбужденно перешёптывались.

Всю дорогу Ваня плакал и вспоминал бедную маму. Во дворе Геннадия Игорь с Егором вновь подхватили должника под руки и потащили в домик в дальнем уголке участка. В ком-

натке три на три метра вокруг небольшого столика – тяжелые старинные кресла. На стенах иконы, похожие на церковные. Ваню усадили в кресло и пристроились по обе стороны рядом. Тут же появился Гена. Сел напротив троицы. Спросил заботливо:

– Что, Ваня? Какие проблемы?

– Мама болеет, – захныкал Ваня. – Лечить надо.

– Ты почему на прошлой неделе долг не вернул?

– Денег нет... Мама болеет, лечить не на что...

В комнату вошёл один из бритоголовых с бумажками, положил перед Геной и когда Гена кивнул, исчез за дверью.

– Ты неделю назад зарплату получал? – практически нежно спросил Гена.

– Нет... не получал... не платят, собаки...

– А вот это не твоя роспись? – Гена подвинул бумаги к страдальцу. Игорь заметил, что красным маркером подчеркнута сумма десять тысяч рублей.

Ваня замер. Сказать ему было нечего.

– А вот, – Гена подвинул ещё бумажку. – Свидетельство врача, что неделю назад в больнице на нужды любимой мамы ты выделил ровно тридцать рублей пятьдесят копеек.

Игорь почувствовал, как комната стремительно уменьшается, сжимается в точку. Стало трудно дышать. Как же так? Этот набожный толстячок? Такая сволочь?! Егор поднялся, бесцеремонно залез во внутренний карман желтого пиджака. На свет явился коричневый кожаный кошелек. Плакальщик обречённо вздохнул. Возражать смысла не было. Егор пересчитал бумажки, протянул Гене.

– Восемь тысяч четыреста.

– Страдаешь? – заботливо поинтересовался Гена. – Не знаешь, как жить на эти деньги? А вот у его матери, – Гена показал на Игоря, – зарплата полторы тысячи. И ничего, живут. Ты, наверное, думаешь, что мне деньги твои нужны? Пятьсот рублей?

Ваня потерянно насупил.

– А чего ж вы меня по городу отлавливали? Берите всё. Только не убивайте.

Гена грустно усмехнулся, сложил деньги толстяка тоненькой стопкой и начал не спеша рвать на мелкие кусочки.

– Зачем же так! – запищал Ваня. – Зачем вы деньги...

– А чтоб такое существо, как ты, не думало, что мне денег жалко. И что меня обманывать можно, как последнего лоха. Считаю, повезло, жизнь твою дешёвую сохранили. В следующий раз будешь с Людьюми аккуратнее разговаривать. Егор! Матери его выдели на лечение десять тысяч рублей. Но проследи, чтоб этому скунсу ни копейки не досталось. И пожалуйста, выбрось это на помойку.

Гена резко встал, подмигнул Игорю и вышел.

– Собирайся, чмо, – брезгливо скомандовал Егор.

Ваня больше не плакал и всю дорогу до машины рассыпал подобострастные благодарности. В машине Игорь машинально отсел от должника подальше.

Когда выехали за город, Ваня заволновался.

– Куда вы меня везёте?!

– Неважно, – Егор остановил машину у высокого обрыва над городской свалкой. – Вылезай, крыса!

С мрачным удовольствием Игорь помог Егору сбросить это двуногое недоразумение вниз на высокие кучи городского мусора. Похоже, посадка была удачной, чудо сразу же вскочило на ноги в кусках тухлой капусты и обрывках туалетной бумаги. Затрясло кулачком, очевидно, угрожая жестокой расправой. Красивый желтый пиджак был безнадежно испорчен.

глава девятая

Честь – это верность

После посещения «Царства Небесного» прошла неделя. Игорь продолжал помогать Гене в нелегком хозяйстве и всё сильнее убеждался, что крыс в городе хватает. Жизнь была совсем не такой розовой, какой хотела казаться. Обманщики и воры, насильники и грабители, взяточники и продажные шкуры, лицемеры и предатели – город был насквозь пропитан подлостью, как бисквитный торт приторным сиропом.

Игорь забыл о жалости. Эти нелюди умели создавать иллюзию беспомощности и отчаяния, но при малейшем приближении ложь рассыпалась на примитивные кубики обманов и Игорь перестал им верить вообще. Родители засватали Инну и готовились к свадьбе. Документы в ЗАГС подали. Инна расцвела, но с кучей свадебных забот стала реже встречаться с Игорем. Наверное, по этим же причинам секса у них больше не было. Игорь понял, что девушке захотелось побыть невинной хотя бы последний месяц, и совершенно не расстроился. Инка была божеством, и ей можно было простить абсолютно всё.

Гена замотался с делами отца. Рестораны, бани, пляжи остались в прошлом. Только редкие деловые встречи. Зато Игорь сблизился с Егором, помогая вычислять и отлавливать плодящихся городских грызунов. С Егором же, когда в делах наступали перерывы, отвисали в лучших заведениях Ростова, и даже разок посетили сауну. Без фанатизма.

С Геней удавалось поболтать только в техникуме, на занятиях. Но даже в эти короткие встречи Гена смог объяснить много полезного. Стало понятнее, как именно отличать крысу от человека, как не задеть достоинство собеседника, если оно есть, что такое честь и порядочность, какие слабые места у тех, для кого уважение к другим набор нелепых звуков.

Тот день получался свободным. Гена ничем с утра не озадачил и Игорь после техникума зашёл в парковую открытую террасу-кафешку. Было солнечно, но в тени высоких раскинувшихся над кафе деревьев – прохладно. Людей было немного. Человек десять пили пиво и ели пиццу. Одного из присутствующих, увлекшегося мороженым на другом краю заведения, Игорь узнал по рыжим волосам. Это был соратник Сенька, что порвал рубаху на бинты. Интересно, в курсе ли он, что случилось с его озабоченным командиром? Хотя какая разница. У крыс своя жизнь, у людей своя.

Игорь задумчиво откусил от пиццы и отхлебнул холодного, освежающего томатного сока. Спиртного не хотелось. По работе эту гадость приходилось пробовать слишком часто.

С громким стуком откинулась дверь уличного туалета за кафешкой, обратив внимание Игоря на вышедшего оттуда парня, примерно его же возраста с густой шевелюрой вытравленных до белизны волос. Судя по прикиду, парень был из богатой семьи. Двигался легко и уверенно, как многие из знакомых мажоров. Игорь сделал маленький глоток сока и с любопытством наблюдал, как парень остановился у столика, где пили пиво две симпатичные и тоже очень круто одетые девушки. Было тихо, Игорь слышал каждое слово.

– Привет, девочки! – слегка пьяным голосом поздоровался тип. – Можно с вами познакомиться?

– Нахал! – возмутилась одна с короткой стрижкой. – Иди своей дорогой.

– Не дождётесь. Я вас хочу! Ну-ка, встали и пошли со мной!

– Ни за что! Отвали!

Белый грубо схватил девчонку за руки и подтянул к себе.

– Поцелуй меня, куколка!

Игорь вскочил и через мгновение нахал катался по земле, держась за пробитую печень.

– Убивают! – заорала вдруг коротко стриженная и вцепилась Игорю в волосы.

Игорь растерялся. Всё было неправильно. Подруга пострадавшей кричала в мобильник:
– Папа! Нас бьют! Какой-то козёл! Городской парк! Кафе «Мечта»!

Игорь стукнул стриженую в солнечное сплетение, чтобы сбить захват. Голову обдало кипятком. Корни волос стонали от боли.

Стриженная упала рядом с белым, приподнялась со стоном, заглянула в лицо скрючившегося насильника:

– Серёжа! Любимый! Ты живой! Очнись, солнышко!

– Вали отсюда! – голос не был грубым. В такой ситуации его можно было назвать даже доброжелательным.

Игорь обернулся и увидел Сеньковского рыжего.

– Вали, пока крутые не приехали. Порешат тебя тут же, на месте, – говорил он. – Мне на суде показалось, что ты нормальный пацан. А ты вроде как Сенёк. Зачем ты её мужа?

– Мужа? – Игорь попятился.

– Ты что, кольца не видишь? Они у них одинаковые!

С окраины парка донесся звук сирены.

Игорь оглянулся, оценивая обстановку, бросился к ближайшему забору и махнул через него. Пока менты подъедут, пока разберутся, он будет далеко. По бегу у Игоря в школе всегда были пятерки. За любые дистанции.

Вечером стало особенно тоскливо. Игорь не выдержал, накинул куртку и двинул к соседнему дому.

Открыла мама Инны.

– Игорь? Заходи. А где Инна?

– В смысле?

– А разве она не с тобой?

– Нет.

– Странно. Сказала, что пойдете гулять в парк. А! Может, подруг встретила? Аньку. Она такая шептунья, утащила её к себе...

– Может...

– Ты что будешь, кофе или чай?

– Кофе.

– Привет, Игорь! – отец Инны пожал руку. – Как учёба?

– Нормально. Вы как?

– Потихоньку. Боремся.

Они сели на кухне. Уютно тикали часы на стене. Кофе приятно зашёл с традиционными бубликами. Славно, по-домашнему. Инны, конечно, не хватало, но душевно. Скоро начнется семейная жизнь, друг к дружке уже притерлись, а вот с будущей тещей и тестем нужно сродняться потихоньку.

– А вчера вы куда с Инной ездили? – поинтересовалась мама.

Игорь не понял вопрос. Вчера с Егором и его девчонкой парились в сауне. Инна отказалась, ей нужно было готовиться к какому-то экзамену.

– Вы имеете в виду, хотели поехать?

– Хотели? – замялась мама. – Да я просто так подумала, потому что Инна домой вечером на машине приехала. Наверное, просто такси, а я думала, что с тобой.

– Молодежь! – возмутился папа. – Я бы на вашем месте день и ночь был рядом. А вы врозь.

– Антон! – одёрнула мама. – Дети уже взрослые! У них полно дел!

– Взрослые! Щеглы ещё! Ничего. Вот женятся, поумнеют.

Позвонили в дверь.

– Вот и Инна, – обрадовалась мама. – Пойду, открою. Вы кушайте, кушайте.

Это была она.

– Привет! – смущённо бросила Игорю. – Ты у нас! А я тебя в парке искала. Ты же вроде должен был там быть с Егором.

– Да? Почему?

– Ну... я днём Гену видела, он сказал.

– Наверное, он перепутал. У него сейчас столько проблем.

– Мама! – Инна протянула чашку. – Налей и мне кофе.

Мама посмотрела на дочь, принялась:

– Ты что, курила?

– Да ну, мам! Ты что! Просто в баре так накурено! Я пропахла вся табаком.

– Вот! – сокрушенно вздохнул отец. – Еще не женились, а уже по кабакам ходят поодиночке.

Он грузно встал, вытер руки салфеткой и ушёл в свою комнату.

– Не обращайтесь внимания! – успокоила мама. – Он сегодня не в настроении. Пейте кофе.

– Мама говорит, – вспомнил Игорь, – ты вчера куда-то ездила. Ты же говорила, к экзамену готовиться будешь.

– Так я и готовилась. У подруги. У Элки. Она в центре живет. Не идти же домой пешком в два часа ночи. Попутку поймала.

– Ты бы осторожнее с попутками, – озаботился Игорь. – Знаешь, сколько в городе маньяков!

Грустно вспомнился один, избивший сегодня семейную пару в летнем кафе.

– Ты чего замолчал? – спросила Инна.

– Так... Ерунда...

Посидели ещё полчаса. Потом Инна припомнила, что завтра трудный день и нужно хорошо выспаться. Поцеловала Игоря на прощанье и сказала, что очень любит.

День оказался не таким уж плохим. А что касается кафе, так всякий может ошибиться. Никто не совершенен.

глава десятая

Любовь – страшная сила

На выходе из техникума Гена остановил Игоря:

- Братишка, тебя подвезти?
- А тебе по пути?
- Да, как раз в твою сторону еду.
- Зачем?
- Тебя подвезти.

Они засмеялись и сели в машину.

– Вчера таких телок с Кареном сняли, – сладко вздохнул Гена. – Голливудские киношки смотришь? Там девочка такая Дженнифер Энистон. Один в один похожа. Хочешь, познакомлю?

– Гена, ну ты же знаешь!

– Вот ты заикнулся на своей Инне! Я понимаю, мы все однолюбы. Но любовь это одно, а секс – совсем другое. По-моему, одно другому не должно мешать. Вот ты, кроме своей девушки, ещё с кем-нибудь этим делом занимался?

– Может, сменим тему?

– Нет, ты ответь.

– Нет.

– Вот видишь! Тебе просто не с чем сравнить. А ты вообще уверен, что твоя Инна тебя не обманывает?

– Да что с тобой, Гена? Что, поговорить больше не о чем!

– Не съезжай, тема серьёзная. Я тебе как друг говорю! Не та она, за кого ты её принимаешь. Не такая она замечательная, как ты нафантазировал. Смотри, потом локти кусать будешь! Ещё морду мне бить прибежишь, за то, что не уберег от нервных потрясений.

– Гена! Ты мне, конечно, друг, но за Инну... Я ведь её с первого класса знаю. Мы выросли вместе.

Гена безнадежно махнул рукой и придавил педаль газа.

– Ты мне вот что скажи, – продолжил он после минутного молчания. – Вы с Егором, случайно, на ростовских не наезжали?

– На кого именно?

– Ну, есть там Сададьские?

– Не помню такую фамилию.

– Ладно, забудь.

Высидев Игоря у дома, Гена высунулся из окна машины и ещё раз спросил:

– А может, Дженнифер Энистон? На вечерок?

Игорь засмеялся и махнул, мол, езжай уже. Заботливый всё-таки Генка. Переживает, беспокоится. Только в таких делах, как мама говорит, третий – лишний.

До вечера Игорь читал конспекты перед завтрашним зачетом. В целом, предмет понятен. На четвёрку рассчитывать можно.

В комнату заглянул папа, вернувшийся с работы:

– Игорь, ты обедал?

– Да.

– Что, уроки делаешь?

– Поделал уже. Сейчас к Инне пойду.

– Кстати! – вспомнил папа. – Она ж тебе письмо передала через маму. Утром принесли, когда ты на учёбу пошёл.

Он ушёл в зал и вернулся с запечатанным конвертом:

– Вот. Ну вы, братцы, даёте! Любовная переписка. Ромео и Джульетта! Неисправимые романтики!

И вежливо ушёл на кухню.

Игорь пару секунд думал, читать или просто сходить в гости. Всё-таки письмо отправлено утром. Нужно прочесть, а то неудобно при встрече получится. Что она там такое прикольное написала? Игорь разорвал конверт, развернул бумажку. Запах духов. Арманд баси! Её любимые! О, этот почерк! В пятом классе воровал её тетрадки и запомнил, как она пишет каждую букву. Эта буква «б» с волнистым завитком вверху! Эти острые уголки в буквах «м»! Так красиво не писал никто на свете. И так, что тут?

«Милый мой, любимый мой Игорек!

Пишу письмо, потому что ближайшие пять лет мы вряд ли увидимся».

Стоп. Прикалываться, конечно, можно, но не так же! Не первое, всё-таки, апреля! Может, к концу понятно будет, в чём юмор...

«Я подумала, что сейчас жениться нет смысла. Пойдут дети. Ты уйдёшь в армию, а я увязну в пелёнках и подгузниках. Жизнь закончится. Лучше поженимся через пять лет. Сейчас мне помогут поступить в Московский Государственный Академический Художественный институт. Сбудется моя мечта. Я стану настоящим художником. Кстати, мои картины уже хотят купить за хорошие деньги! Отучусь, получу образование и диплом. Ты как раз закончишь свою армию. Встретимся и поженимся. Договорились? Думаю, да! Ты же у меня такой понятливый.

До встречи, любимый. Пока живи в своё удовольствие. Ни в чем себе не отказывай. Не волнуйся за меня. Не ищи. Всё будет хорошо. Спасибо тебе за всё.

Инка».

Накрыла глухая, отчаянная тишина. Игорь балансировал на грани двух объяснений написанного. Дурацкий розыгрыш, что скорее, или совершенно дурацкая правда... Игорь хорошо знал свою девочку. Не могла она вот так, одним махом, всё бросить и куда-то бежать. Сидит наверняка у себя дома и смеётся. Ждёт, когда прибежит жених с красной мордой и начнет орать: «Где она! Где она!»

А вот не прибежит. Зайдёт просто, тихо, спокойно. Спросит: «А Инны нет?» Родители наверняка в курсе этого КВНа, скажут: «Нет». Тогда громко, на весь дом, заявит: «Ну, слава Богу! Наконец-то за ум взялась! В Москве из неё человека сделают!» Тут она выйдет, поржут и в комнату – целоваться.

С такими мыслями Игорь обулся и вышел в подъезд.

– Ты куда? – это папа вслед.

– Я к Инне! Вернусь поздно!

Захлопнул дверь. В подъезде уже включили освещение. Этажом ниже навстречу попался светлый военный с четырьмя маленькими звёздочками на погонах. Поинтересовался:

– Вы здешний?

– Да.

– Квартиру Тарасовых не подскажете?

– О! – удивился Игорь. – А вы к папе?

– А ты, случайно, не Игорь? – в свою очередь удивился военный.

– Игорь.

– Так ты мне и нужен! Пойдём на воздух выйдем, поговорить надо.

Не мент вроде, военный. Чего хочет? Ладно, разберёмся. Может, Гена прислал?

У подъезда тархтел незаглушенный милицейский УАЗ. Игорь почувствовал, как обе руки сжало тисками. Менты. Один слева, другой справа. Крепкие. Подкачанные.

- Прошу вас! – военный распахнул дверцы машины.
 - Подождите! – возмутился Игорь. – Я должен к невесте сходить, узнать, как она там!
 - Сходите потом, – отозвался военный, присаживаясь впереди.
- Игорь оказался на заднем сиденье между милиционеров.
- А родители! – вспомнил Игорь. – Вы пойдите, скажите, что меня забираете!
 - Успеется, дорогой. Водитель, поехали!

УАЗ взревел и растворился в ночи. Именно так увидел это Василич – потомственный алкоголик с первого этажа. Ночь намечалась прохладная и облачная. Батайск приближался к октябрю. За обязательными дождями должно было наступить самое приятное и грустное время батайского года – бабье лето.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Рыцари Аллаха

глава первая Выхода нет

УАЗ припарковался против тускло освещённого двухэтажного городского отделения милиции. Со стороны парка слышались забойные, почти сейсмические толчки дискотечных ударных. Машина вздрагивала в такт незнакомой Игорю попсовой композиции.

Военного не было минут десять. Наверное, оформлял доставленного. Игорь прикинул, сколько часов его продержат. Обычно, как рассказывали пацаны, по таким невразумительным приводам песочат до утра, пытаясь навесить какое-нибудь из случившихся в районе хулиганств или грабежей. Егора так отлавливали два раза. Он ещё не работал с Геной, но уже был кам-ээсом по боксу, а значит, состоял на учете, как потенциальный источник опасности для мирного населения. Главное – не пойти на поводу у оперов, перетерпеть легкий мордобой, и на приклеиваемые дела отвечать отрицанием.

Улица была пуста. Ночь. Проехала пару раз машина ППС, тормознул рядом ещё УАЗик, и другой военный забежал по ступенькам в высокие двери отделения.

Еще минут через двадцать, когда Игорь устал ждать, на улицу вышли доставивший Игоря и тот, что подъехал позже. Они шли к машине и о чём-то сдержанно, но резко разговаривали.

– Мы когда-нибудь выйдем? – поинтересовался Игорь у милиционеров. – В туалет охота.

Не ответили. Странно, но тот, что выцепил Игоря в подъезде, сел в соседний УАЗ. Простонал пару раз стартер. Затарахтел мотор. На переднее сиденье забрался новый вояка, помоложе, звёздочек на одну меньше, под носом усики, на носу очки:

– Старший лейтенант Гуров, – представился он ментам. – Этот, что ли?

– Так точно, – отозвался один из них. – Тарасов Игорь Георгиевич.

– Что-то хлипковат. Не находите? – Усатый посмотрел на Игоря с каким-то жалостливым презрением. – Спортсмен?

Игорь молчал.

– Не похож, – засомневался водитель, окинув Игоря критическим взглядом. – Вас, товарищ старший лейтенант, куда везти?

– Аэропорт. Самолёт через час.

– Успеем. Тут езды полчаса максимум. Тем более, ночью. Дороги свободные.

– А зачем в аэропорт? – насторожился Игорь. – Меня мама с папой дома ждут.

– Поздно вспомнил про маму, – сурово перебил усатый. – Поменьше разговорчиков! Если хочешь, конечно, целый доехать...

– Но мне... – Игорь оборвался на полуслове, уж очень мощно зарядил локтем по печени сидевший справа.

Машину встряхивало на редких неровностях главной батайской улицы – Энгельса. Игорь наблюдал, как уплывают в ночь одноэтажные дома, знакомые остановки, сияющая неоновым автомастерская «У кума».

Происходящее походило на приключенческий сон. Бывают же такие детальные, реальные сны, после которых просыпаешься и думаешь: «Где я? Почему в постели? Я же воевал с фашистами или шёл во главе российской экспедиции к Северному полюсу. И вот – кровать. Ранили меня, что ли?»

Оставалось только наслаждаться этим сном. Машина разогналась по трассе между Батайском и Ростовом. Жёстко трепал волосы встречный ветер. Пахло степью и рыбой. Улетал по правому борту назад гребной канал. Какими полноценными могут быть ощущения во сне! Игорь провел рукой по шершавой поверхности сиденья. Покалывает пальцы так естественно. Класс! Мимо мелькнул пост ГИБДД, рябь отраженных огней в ночном Дону, залитые светом ростовские улицы. Сон оказался ярким, красочным и очень длинным. Обычно время во сне течет по-другому. Не так, как в жизни, скорее как в кино. Монтаж. Одно ключевое событие, обрыв, второе ключевое событие и так до надписи «Конец». Но фильм тянулся удивительно реально. События не меняли окружающий мир. Не превращалась обычная улица в побережье океана, а персонажи в драконов и гоблинов. Милиционеры оставались милиционерами, военный военным, Ростов Ростовом.

Большая светящаяся надпись «Аэровокзал», очевидно, означала конец путешествия. УАЗ замер на большой привокзальной стоянке. Старший лейтенант вышел из машины. Милиционеры вытащили Игоря, сжали с двух сторон. Игорь подумал, что после июльских жарких ночей ни разу не дышал такой прохладой и свежестью. Что-то холодное коснулось запястья.

– Вы свободны! – объявил усатый. – Спасибо, мужики!

Игорь понял, что его правая рука пристегнута к левой руке старшего лейтенанта наручниками.

– Счастливо вам, товарищ старший лейтенант, – пожелали конвоиры, садясь в УАЗ.

Усатый кивнул, пошёл ко входу в аэропорт. Игорь, естественно, поплелся следом. Сон наконец становился похожим именно на сон.

В фойе парочку остановили местные милиционеры.

– Документы, пожалуйста! – попросил один из них.

Усатый не отозвался, оглянулся, ища кого-то в глубине аэровокзала среди редких ночных пассажиров. Заметил, помахал свободной рукой. Игорь увидел спешащих к ним двоих военных, только в зелёных фуражках и с зелёными погонами. На погонах отливали золотом две буквы ПВ.

– Это с нами! – объявили они, подбежав.

Милиционеры нехотя отошли в сторону, уступая дорогу.

– Идите за мной! – пригласил тип в зелёной фуражке.

И усатый спокойно пошёл за местными военными через зал, где просвечивали багаж, через комнаты с изнывающими в ожидании пассажирами, прямо на взлётную полосу к небольшому, в сравнении с расположившимися вокруг небесными аппаратами, самолёту.

– Передадите сопровождающим? – поинтересовался один из зелёнофуражечников.

– Нет, – покачал головой старший лейтенант. – Приказано сопровождать до пункта назначения.

– Ну, – развел руками военный, – приказ есть приказ. Счастливого полёта.

Усатый с Игорем поднялись по миниатюрному трапу. Вошли в салон. И в этот миг в сознании Игоря рухнул спасавший последние полчаса миф о приключенческом сне. Как бы ни казалось это нелогичным и странным, но опомнился от того, что на входе и в салоне не было стюардесс. Девушки в синих пилотках из фильмов и новостей просто обязаны были присутствовать. По-другому самолёт Игорь себе не представлял. Вместо них – крепкие парни в зелёных беретах с различным количеством золотых полосок на погонах. Если это не сон, надо бежать. Он должен узнать, что с Инной. А вдруг её похитили и заставили писать это дурацкое письмо! Он не может находиться здесь, с военными. Это неправильно и несправедливо! Стало трудно дышать. На всякий случай Игорь ущипнул себя за руку, произвольно дёрнув при этом усатого.

– Что? – усмехнулся тот. – Думал, спишь, что ли? Веселый ты парень, Тарасов. Садись в кресло. Лететь не близко.

Игорь посмотрел на кресла, потом на выход. Отчаяние придало сил. Рванул с такой энергией, что усатый потерял равновесие и упал. До искусственного уличного света в овальном проёме двери оставалось каких-то пять шагов. Растерявшийся старший лейтенант волочился по полу, не понимая, что происходит. Игорь громко хрипел от напряжения, зацепился левой рукой за резину дверного проёма. Оставалось перешагнуть порог, но остановил противный хруст в затылке. Мгновенно ослабшие ноги согнулись. Колени стукнулись о твердый пол. Удар был силен, но Игорь не вырубился. Посмотрел назад. Один из зелёных беретов сжимал перед собой автомат. Профессионально сработал прикладом. Застонав, Игорь поднялся на ноги и опять двинулся вперёд. На этот раз не сплеховал пришедший в себя усатый. Четкая подсечка перевернула Игоря в воздухе и прилепила к гулкому резиновому полу. Он не смог попасть наружу. Высокое небо рассыпало сверкающие звёзды. Затылок приятно холодило железо переборки. Зелёные береты вцепились в одежду и легко втащили беглеца внутрь. Дверь захлопнулась, пришло беспомощное безразличие.

Их посадили рядом. Игорь оказался у круглого иллюминатора, а спокойный и даже не потерявший в суматохе очки усатый – у прохода. Никто не суетился, не наводил на Игоря ствол... Видимо, такие «побеги» случались часто. Береты уже не смотрели на него. В салоне было человек двадцать обычного вида пацанов, ровесников Игоря в нелепых пиджачках и телогрейках с затрепанными рюкзаками и пакетами. В отличие от Игоря, они сидели свободно, без наручников и сопровождающих. Все возбужденно вглядывались в странную парочку и шумно обсуждали произошедшее.

В конце салона отдыхали, как понял Игорь, офицеры. Двое. Первый, худой, высокий, с длинным носом, с тремя звёздочками на погонах, другой пониже ростом, коренастый, курносый, с чёрными как ночь волосами. У второго звёздочек две. Они были старшими в этой компании. Вид не по ситуации умиротворенно-удовлетворенный. Никакого сравнения с напряженным усатым или зыркающими по сторонам зелёными беретами. Что это был за самолёт и куда собирался лететь? Милиция сдала его военным, значит, виной всему не робингудские подвиги в Батайске, а другое. Перебрав более-менее примечательные события последних месяцев, Игорь не нашёл подходящего объяснения. Во всяком случае, особого зла на него в этой команде, похоже, никто не держал, даже после неудачной «попытки к бегству». Это немного успокаивало.

В салон заглянул пилот:

- Все? – громко прокричал он, чтобы слышали старшие.
- Все! – крикнул в ответ высокий офицер.
- Тогда пристегните ремни! Страна ждёт героев!

Самолёт вздрогнул, загудел и медленно покатился на взлётку. Игорь почувствовал на губах что-то солёное. Слезы текли сами по себе. Он отвернулся к иллюминатору, чтобы никто не видел. Мужчина не должен плакать. Где-то там, в ночи, ждала Инна. А он даже не знал, коснётся ли когда-нибудь его рука любимого лица. Под бессильными пальцами вибрировало холодное стекло. Разноцветные огоньки падали вниз. Самолёт набирал высоту.

глава вторая

Новые друзья

Это был второй за время полёта аэродром. На первом, похоже, дозаправились. Стояли час. Никто не вышел из салона. Здесь же двери открыли через десять минут после посадки. Офицеры из конца салона вышли вперёд со списками и высокий принялся выкрикивать фамилии:

– Терзиашвили!

– Тут! – весело отозвался огромный паренёк в фуфайке.

– Воробьёв!

– Я! – Этот был такого же роста, но как-то поизящнее. Слегка потёртые джинсы, плотная стильная рубашечка. Острый взгляд.

– Кондратенко!

– Я!

– Сидоров!

– На месте...

Игорь понял, что ребята веселятся. Их почему-то радовал этот полёт и это странное место. Такое понимание обнадеживало. Возможно, нужно просто расслабить конвоиров, а там и способ сбежать отыщется. А сейчас улыбаться и косить под идиота.

– Тарасов!

– Вечно Ваш!

– Гусев!

– Тут!

– Все на месте! Это радует! Товарищи сержанты, выводить по одному. В автобус рассаживать на свободные места, начиная с третьего. Ясно?

– Так точно!

– Выполняйте!

Начали с тех, кто сидел сзади. В окошко Игорь видел стоящий у самолёта старенький, еле живой автобус с одной передней дверью и неспешно входящих в него пассажиров.

– Пройдем! – слегка дёрнул за наручники усатый.

На вершине трапа Игорь огляделся. Аэропорт, если бы не бетон взлётных полос, был похож на затерянную в бесконечности степи ровную площадку. То, что, судя по всему, было зданием вокзала, напоминало небольшой, пусть каменный, но откровенно убогий сарайчик. Начинала таять темнота ночи, теснимая приближающимся восходом, и Игорь с искренним удивлением заметил метрах в двухстах от самолёта жующих траву натуральных однокорбых верблюдов.

– Не тормози! – старший лейтенант подтолкнул в спину. – Спускайся, Тарасов. Самое интересное впереди.

Насколько безлюдными бывают земные пространства. Автобус ехал больше двух часов, а кроме оставшегося далеко позади крохотного полуразвалившегося поселка из пары домов у аэропорта, никаких следов человеческой цивилизации не наблюдалось. Местами ровная степь переходила в невысокие холмы, местами в песчаные пустыньки. Ни людей, ни домиков, ни мусорных свалок, как ни всматривайся вдаль, до розового уже горизонта. Если бы судьба занесла сюда какого-нибудь японца, терзаемого земельной ограниченностью острова Хонсю, то в избытке желчной зависти тут же сделал бы сэшпуку. Если б до того не захлебнулся жадной слюной.

– Слышь... – Игорь обернулся. Сидевший сзади парень в стильной рубашке аккуратно тронул его за плечо, стараясь не разбудить закемарившего усача. – Тебя как звать-то?

– Игорь.

– Меня Илья. Откуда ты?

– Из Батайска.

– Это что? Город?

– Да, под Ростовом. Восемь километров.

– Ростов слышал. А я из Москвы. Ты чего к этому старлею приклеенный?

– Верись, не знаю.

– А ништяк ты ломанулся к проходу! Я чуть бутербродом не подавился. Тебя что, в дисбат везут?

– А тебя?

– В погранцы. Спецнабором. Сам просился.

– В армию?

– Не, братан, такая фишка, ПВ это не армия. Это пограничные войска. Туда кого попало не берут. Вот только тему не вкору. У погранцов тоже дисбат есть? Или ты профи и тебя без учебки прямо на фронт отправят?

– На какой фронт? В Чечню?

– Ты что, мы ж в КСАПО, это знаешь где от Чечни по карте?

– САПО? Что за САПО?

– Не САПО, а КСАПО. Среднеазиатский округ. Не слыхал?

Игорь приблизительно понимал, что такое Средняя Азия, но до сегодняшнего дня не задумывался, насколько она далека от Чечни и остальной России. Потому осторожно спросил:

– Это в Индии, что ли?

Илья посмотрел на пацана с явным сожалением:

– Не, не в Индии. Туркмения, Таджикистан знаешь?

– Ну, вроде.

– Вот. Оно. Все думают, что там остались только миротворцы, а реально сохранился целый округ. Только названия поменяли. Прикинь! Слушай, ты в рэндзю играешь?

– Это как? – Игорь насторожился. Мало ли, что за игры на зонах и в армии. Не попасть бы на лоховской развод.

– Вот, – Илья показал тетрадный лист. – Бумага в клеточку. Типа крестиков-ноликов. Ты крестики ставишь, я нолики. Кто вперёд пять подряд выстроит по горизонтали, вертикали или диагонали, тот и выиграл. Уловил?

– Ага. Только у меня рука...

– А я бумагу держать буду. Давай?

– Ну, попробуем. Только тут кто первым начал, тот и выиграет. Какой интерес.

– Так ты умеешь? Какой разряд?

– По крестикам-ноликам? – теперь Игорь смотрел с сочувствием.

– А ты веселый. Только гамес японский. Там у них затейливые разряды, «кю» называются у ламеров и «даны» у хацкеров. У меня по молодости 4 кю был. Я в кружок ходил.

– Прикольно, – согласился Игорь. – А не подумаешь, что так серьёзно. Ладно, куда ходить?

– Да куда хочешь, мы ж не в классику.

Игорь поставил на заботливо подставленную бумажку крестик. Нолик Ильи нарисовался в пяти клеточках правее. Игорь поставил второй крестик, двигая будущую победу вертикально вверх. Илья, словно не замечая угрозы, пририсовал к первому нолику ещё один. Игорь поставил третий крестик. До победы оставалось два хода, но Илья перекрыл дорогу вверх кружком.

Пришлось ставить четвертый вниз. Снизу тоже перекрыли кислород. Всё оказалось не так просто. А через четыре хода Илья выстроил взявшуюся из ниоткуда диагональную пятерку.

– Вот, – вздохнул он. – А ты говоришь, крестики-нолики!

– Давай ещё раз...

– Давай.

На тридцатой партии, когда общий счет матча составлял 29:0 в пользу сами понимаете кого, очнулся старший лейтенант.

– Что это? – спросонья он принял бумажку с игрой то ли за шпионскую шифровку, то ли за иной подвох, схватил резко, поднес к лицу и тут же успокоился. – Крестики-нолики. Играйте, пока можно, – опять откинулся.

Сыграли пару партий. Игорь понял, что победить не сможет и предложил продолжить когда-нибудь в следующий раз. Илья с лёгкостью согласился. Сопровождающий дрых, как младенец. Эх, снять бы браслеты и в поле... Знать бы, где оно, это поле.

– Слушай, Илья, а ты точно знаешь, куда и зачем всех везут, не в том смысле, что в пограничники Средней Азии, а что делать с нами там будут?

– Ну, прям точно вряд ли. Не пророк. Пока. А по мелочи несложно. Щас нас запрут на три месяца в учебке. Потом кто-то в сержантскую учебку отъедет, кто-то на границу, кто-то в тылу останется, сам знаешь, тыловики стране тоже нужны. А через два года стандартный дембель, милый дом и радостные девки. Вкурил?

– Ага.

Из полумрака на свет вырисовались две мысли: плохая и хорошая. Плохая, что могут запереть на два года в армии, хоть она и зовется тут по-другому, без друзей, без родителей, без Инны. Хорошая, что угораздило его всё-таки в армию, а не в какую-нибудь тюрьму или похуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.